

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ

УДК 974.084. «19»

Абдрашитов Элик Евгеньевич**ВОСПРИЯТИЕ ПЛЕНА ТАТАРАМИ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В статье показано отношение к положению военнопленных в России, Германии и Австро-Венгрии татарской частью населения Казанской губернии. Татары пассивно относились к сбору средств для военнопленных россиян. Татарская пресса не уделяла значительного внимания положению пленных в Германии и Австро-Венгрии.

Ключевые слова: татары, военнопленные, газеты, Турция, жандармерия, Казань.

Abdrashitov Elic E.**PERCEPTION OF CAPTIVITY BY TATARS OF KAZAN PROVINCE
DURING THE FIRST WORLD WAR**

The attitudes of Tatars of Kazan Province towards the position of the prisoners of war in Russia, Germany and Austria-Hungary are shown in the article. Tatars were passive in fundraising for Russian prisoners of war. Tatar press didn't pay much attention to the position of prisoners of war in Germany and Austria-Hungary.

Key words: Tatars, prisoners of war, newspapers, Turkey, gendarmerie, Kazan.

Длительное совместное проживание на определенной территории во все времена приводило к формированию общности взглядов, культуры и традиций на основе не культуроцида одного народа другим, а культурного взаимодействия и перемешивания. В этом плане выделение отдельной строкой общественно-политического дискурса татарского народа (или мусульман – что для того времени считалось синонимичным) позволяет высветить особенности восприятия феномена плена этой культурно-этнической группой в рамках общего понимания.

Не вызывает сомнения наличие противостояния между представителями татарской национальной интеллигенции и верховной властью Российской империи к началу первой мировой войны. С другой стороны, имело место противостояние и внутри татарской элиты. Именно в ситуации неразрешенного конфликта с центральной властью застала мусульман Поволжья начавшаяся первая мировая война.

Новость эта стала неожиданностью как для политической элиты, так и для народных масс. Татары, жаждавшие самоопределения, попали в очень непростую ситуацию. С одной стороны, определенная часть татарского населения Поволжья, сознающая себя представителями общероссийского социума, полагала, что имеется возможность налаживания конструктивного диалога с властью. Поэтому в первые дни войны значительная часть мусульман Поволжья открыто демонстрировала антигерманские настроения. К этой же части населения можно отнести татар из числа сельских обывателей. В местах компактного их проживания был отмечен подъем патриотических настроений. Чтобы подхлестнуть указанные настроения, были выпущены в большом количестве статьи о зверствах немцев; появились даже сборники германофобских стихов. Так, по данным Казанского отделения губернского жандармского управления, практически во всех мечетях сразу после начала войны прошли религиозные обряды во имя дарования победы России. Однако осведомители жандармерии подмечали, что молебны по поводу русских побед совершаются без омовения рук, поэтому недействительны [6, л. 37].

Следует отметить, что на территории Казанской губернии в первые месяцы войны татарское население демонстрировало единство с настроениями русских; так же радовалось победам русского оружия. Однако управление жандармерии отмечало, что отдельных манифестаций в поддержку войны или против ее ведения не было замечено ни в одном уезде Казанской губернии [6, л. 12]. Одновременно акцентировалось внимание, что агрессивность всех слоев населения в среднем поднялась не высоко. Впрочем, мнение жандармов расходилось с фактами. В ходе первой всеобщей мобилизации 1914 г. общее количество татар, которые отправились на фронт, достигло 960 тыс. чел. [2, л. 18]. Многие из этих плохо обученных новобранцев погибли в ходе первых столкновений с противником на Западном фронте. Огромное число татар попало в плен. Только в лагере Сосена и Вюнсдорф их насчитывалось до 57 тыс. чел. [2, л. 18].

Из общего ряда выбивалась Казань, население которой восприняло войну несколько индифферентно даже в первые дни войны. В основном подобные настроения концентрировались в Казани в среде либерально настроенной интеллигенции. Именно эта часть татарского населения города относилась скорее к туркам, поэтому не спешила демонстрировать поддержку российским властям; весть о начале войны была воспринята весьма холодно и сдержанно. Впрочем, после первых локальных побед России на Западном фронте татарская печать была заполнена рассказами о подвигах солдат на фронте; а газета «Юлдуз» даже упоминала о патриотической манифестации 21 августа 1914 г., в которой участвовало более 500 чел. [13].

При этом перепечаток статей о страданиях российских солдат, попавших в плен, практически не имелось. Татарская периодика старательно обходила данную тему стороной. Сотрудники жандармерии связывали подобное поведение татарских публицистов с нежеланием участвовать в разжигании германофобских настроений и молчаливой поддержке противника.

Сдержанность татарской прессы можно объяснить не только и не столько стараниями цензуры, сколько растерянностью, которая царилась в умах татарской элиты. Впрочем, уже в сентябре 1914 г. в татарской прессе проявляются критические статьи, направленные на снижение великодержавного настроения среди татар. Политические лидеры и духовенство со страниц газет критиковали тех своих земляков, которые бросили свои семьи на произвол судьбы и пошли на фронт. Практически в этом же обвинялись и мусульмане, попавшие в плен. Понятно, что открыто выступать с критикой политики высшего руководства страны публицисты не могли, поэтому прибегали к подобной стратегии.

Таким образом, изначально складывается весьма мозаичная картина отношения татарского населения к войне, к военнопленным подданным стран-противниц на территории Казанской губернии, а так же российским пленным за рубежом.

С другой стороны определенная часть татар осознавала себя частью иного мира, по национальной принадлежности ближе к туркам, по вероисповеданию – к мусульманскому миру. В Казанском губернском жандармском управлении отмечали, что татары воспринимают русских и царя, в том числе, как неверных. В письмах с фронта цензоры отмечали часто встречающиеся клише: «мы томящиеся под властью царской» или «мы имевшие несчастье попасть в руки гяура» [6]. При этом в письмах с фронта фигурировало два упрека: первый касался того, что мусульманами в войне руководят неверные, а второй, что руководство не доверяет мусульманским солдатам, честно исполняющим свой долг перед родиной. Это демонстрирует четкую поляризацию татарского социума. С одной стороны, симпатии татарского населения Поволжья были на стороне России, что было связано с непосредственным участием татарских солдат в составе действующей армии. Те татары, которые относились к социалистам, акцентировали внимание на возможных негативных последствиях проигрыша Россией войны для трудящихся вообще и рабочего класса, в частности, связанных с отторжением части территорий от России, выплатой контрибуции и введением более жестких германских порядков в стране. Татары из буржуазии указывали на серьезные негативные последствия, связанные с вторжением германского капитала в случае победы Тройственного союза.

У другой части мусульманского населения Поволжья, по большей части духовенства, учителей и интеллигенции, было иное мнение по поводу войны. На взгляд ряда татарских лидеров, поражение России в этой войне сулило серьезные преимущества национальным и религиозным меньшинствам. Расшатанный царский престол будет нуждаться, по их мнению, в лояльных окраинах, поэтому будут серьезные послабления. Кроме того, в противостоянии мусульманской и христианской культур, по мнению, ряда лидеров татарского народа, надо находиться на стороне первой. Поэтому неудачное наступление английских и французских экспедиционных корпусов на Дарданеллах было воспринято татарами с радостью [10, л. 28].

Как бы там ни было, мусульманское население в целом демонстрировало выжидательную позицию, боясь открыто встать на чью-либо сторону [6]. Этим можно объяснить практически полное отсутствие в прессе проблемы военнопленных. Кроме сухих статистических данных о поступлении их количества в губернию, практически не представляется возможным найти статьи, передающие в красках страдания пленных или наоборот гуманное отношение к ним со стороны местного населения. Впрочем, тема для татарского социума была весьма неинтересной. Опыт личного взаимодействия с пленными армией противника был весьма незначительным, татары присутствовали в толпе на вокзале, когда встречали пленных, но в контакт с ними не вступали.

Еще более восприятие первой мировой войны усложнилось после вступления Османской империи в войну против России. Отношения Российской империи с Турцией носили весьма напряженный характер, а в октябре 1914 г. Османская империя напала на Россию.

На территории Поволжья распространялось обращение Османского правителя «Священная война объявлена», содержащее в себе воззвание к мусульманам всего мира с требованием принять участие в войне против неверных. Данное обращение, однако, не оказало существенного влияния на умы обывателей. Не оказала большого влияния и немецкая пропагандистская машина, которая склоняла магометан к коллаборационизму, акцентировала внимание на персональной роли российского царя и его окружения в эскалации войны против Турции и направленности ее против правительства, а не братьев-мусульман [8, л. 452].

Однако радость от вступления Турции в войну против России у определенной части татар была омрачена тем варварским действием, к которому прибегло турецкое командование. Нападение турок на беззащитный русский городок в праздник ошеломляюще подействовало на татар, чувство радости смешалась со страхом [6, л. 43]. Поэтому даже татарские лидеры находились в растерянности и не знали что делать. В своем обращении к мусульманам Поволжья Оренбургский муфтий отметил, что Турция начала эту войну, попав под влияние Германии. Особо отмечалось, что Россия – родина татар, и их долг и обязанность – защищать ее [7, л. 140].

Следует отметить, что власть имущие отслеживали все изменения в настроениях местного населения. И естественно, руководство губернии было в курсе того, как именно татары относятся к войне с Турцией вообще, и какое отторжение вызвал акт агрессии против России Османской империи, в частности. Председатель казанского временного комитета по печати так описывает состояние масс: 1/3 населения продолжает быть инертной [6, л. 89].

Так, чиновники жандармского управления отмечали, что хотя формально мусульмане Казанской губернии ведут себя подобающим образом, ...вовсе не замечается искренний подъем патриотических чувств и желания исполнять свой долг шире, чем обязанности, как преданного сына России. Губернатор отмечал, что мусульманское население очень сдержано во всякого рода пожертвованиях на нужды войны [9, л. 175], но стоит заметить, что татары на нужды войны денег не давали, а на журнал «Ак Юл» собрали 1 700 руб. [6, л. 26]. Следует заметить, что именно в этом журнале в довоенные годы пропагандировалась пантюркистская идея.

В то же самое время на пожертвования казанских обывателей было построено несколько госпиталей, татары начали решать вопрос о создании лазарета на 50 койко-мест только после публичного обращения Саид-Гирей Алкина, который со страниц газеты «Казанский телеграф» упрекал татар за неотзывчивость [1]. Таким же образом решался вопрос помощи мусульманам, попавшим в плен. Обыватели не стремились оказывать активную помощь своим собратьям, попавшим в данную ситуацию. Материальную помощь, как правило, оказывали те, чьи родственники непосредственно попали в плен. Однако следует отметить один немаловажный факт: материальную помощь собирали со всего рода, поэтому размер ее был немалым, качественно отличаясь от других пожертвований.

Впрочем, открытая демонстрация лояльности, судя по всему, устраивала власть. Несмотря на все опасения руководства Казанской губернии, симпатия к Турции не прогрессировала, а местное население открыто демонстрировало свою лояльность. Горький привкус от событий в начале войны сохранился на долгое время.

Однако руководство губернии предпочитало «перестраховаться», предпринимая все возможные меры для пресечения даже возможности коллаборационизма. Как уже отмечалось выше, огромное значение имела и неправильная оценка настроения татарского населения, которым приписывался пантюркизм. Именно поэтому главный начальник Казанской губернии направил письмо директору МВД г-ну Брюну с рекомендацией не направлять турецких военнообязанных на территорию Заволжья, несмотря на то, что согласно телеграмме № 475 от 4 августа 1914 г. Заволжская часть Казанской губернии, кроме мест, прилегающих к р. Волге и р. Каме, вошла в перечень земель, разрешенных для содержания интернированных и военнопленных [8, л. 62].

К началу 1915 г. татары Поволжья стали активизироваться в вопросе помощи жертвам войны, и пленным в том числе. Авторитетные мусульмане неоднократно поднимали вопрос о судьбе своих единоверцев и братьев. Так, по данным жандармерии, член правления газеты «Кояш» собирал деньги для военнообязанных турок, находящихся в Паратском затоне, ввиду их тяжелого экономического положения. Интернированными там числилось 16 «турок», на самом деле – греков по национальности, 8 из которых на работу к себе взял кондитер Станица. Увидев это, мещанин Кашаев стал

упрекать мусульман, уверяя, что эти люди бедствуют. Их взял к себе Ибрагим Биккулов и направил на фабрику братьев Каримовых [7, л. 188].

Данный эпизод позволяет сделать несколько выводов. Первый – представители национальной элиты действовали в рамках религиозного тренда, суть которого в необходимости оказывать помощь братьям-мусульманам, попавшим в беду. Второй вывод заключается в том, что обыватели были весьма пассивны в вопросах оказания помощи пленным и требовалось вмешательство авторитетов.

Правительственные структуры весьма щепетильно подходили к вопросу содержания турецких военнопленных. Только единицы из них были расквартированы на территории Поволжья, подавляющее большинство проезжало через Казанскую губернию только транзитом. Те пленные, которые все же были размещены в Поволжье, как правило, расселялись в небольших городках или селах преимущественно с русским населением, не имели возможности посещать Казань и находились под особым присмотром. Военные власти опасались (и надо заметить – не безосновательно), что местное татарское население быстро войдет в контакт с турецкими пленными и станет им сочувствовать, что могло спровоцировать вербовку агентов или утечку информации, а этого допустить было нельзя.

Во многом опасения руководства губернии понятны. Турки-магометане обладали общими культурными корнями с татарами Поволжья. Более того, особо опасным было то, что татарский язык, относясь к группе тюркских языков, является родственным турецкому, что открывало прямую дорогу к агитации. Поэтому Главный начальник Казанской губернии стоял на твердой позиции пресечения общения татарского населения с любым турецкоподданным лицом, способным выступать к роли агитатора. Об этом говорит тот факт, что два интернированных турецких подданных мусульманского вероисповедания обратились к Казанскому губернатору с просьбой направить их в г. Казань, обосновывая свою просьбу наличием возможности нахождения здесь работы. По роду деятельности один был муллой, второй – учителем. Губернатор в удовлетворении просьбы отказал, но рекомендовал направить их в г. Ярославль.

К середине 1915 г. сформировался некий опыт общения с иностранными пленными, что в первую очередь было связано с экономической их интеграцией. Ради справедливости следует отметить, что труд иностранных подданных, ставших впоследствии интернированными, активно применялся на предприятиях казанской буржуазии еще до войны. Поэтому к ним относились положительно, высоко оценивая их трудовые качества. В целом положительно оценивался и труд военнопленных.

Впрочем, существовало несколько важных факторов. Начнем с того, что русскоязычная пресса не имела существенного влияния на татарское население, которое выстраивало свое отношение к представителям иностранных армий только через лично пережитый опыт или татарскую периодику. Выше мы отмечали тот факт, что татарская пресса вела себя очень осторожно, ее публикации носили скорее нейтральный характер; в публичной риторике редко встречались вызывающие обращения и заголовки, прямо оскорбительных высказываний не наблюдалось вообще. Поэтому основным источником информации был именно личный опыт общения.

Существенным препятствием в налаживании контакта с пленными было наличие непреодолимого языкового барьера. В силу этого общаться с ними могли только люди, знающие иностранный язык. Следует отметить, что при достаточно высоком уровне грамотности большинство татар, особенно с периферии, не знали даже русского языка. Поэтому немецких военнопленных в татарские деревни на работы направляли в исключительных случаях. Только единицы военнопленных австрийских и германских подданных могли общаться с инородцами, к которым относились и татарские обыватели. Если с русскими пленными могли хоть как-то изъясняться, с татарским населением пленные общались исключительно жестами. Естественно, это сильно усложняло рабочий процесс. В силу чего труд военнопленных в основном применялся на предприятиях в Казани.

В деревнях сельские жители иностранцев воспринимали уважительно, хотя и относились к ним с недоверием. Их жизненный уклад не соответствовал европейским традициям, присутствовал некий культурный антагонизм, что, впрочем, не переходило в конфликт. Мусульмане с уважением относились к гостям, хотя не понимали и не принимали их верований и убеждений.

Вторая особенность заключалась в особом отношении правительства Российской империи к пленным австрийцам славянского происхождения. В этой связи хотелось бы отметить, что татары Поволжья воспринимали австрийцев хуже, чем немцев; прорусская пропагандистская машина создала в массовом сознании представление, что большинство австрийцев славянской национальности находятся на стороне русского народа и государства и воюют только по принуждению. Татарское население было не особо сведущим в перипетиях национальных взаимоотношений внутри Ду-

наикой империи, поэтому воспринимали практически всех австрийских подданных одинаково негативно, через призму «союзнических» отношений с Россией, однако фактов некорректного отношения к военнопленным австрийцам сотрудники жандармерии и военного ведомства не отмечали. Взаимоотношения были прохладными, но не выходили за рамки предписанных.

Поэтому австрийские пленные всех национальностей не пользовались существенной поддержкой среди татарского населения. Мусульманское население оценивало производительность труда австрийских пленных невысоко, указывая, что те не знают языка и не знакомы с сельскохозяйственной техникой. Руководители уездов также отмечали непонимание пленными татарских обывателей и инородцев вообще. В плане сельскохозяйственной техники, австрийские крестьяне ушли далеко в деле механизации и с большим неудовольствием относились к отсталым технологиям. Татарское население, воспроизводившее во многом традиционный уклад, не желало скоротечных изменений, поэтому относилось к нововведениям подозрительно. Это стало основной причиной того, что пленных австрийцев практически не направляли на сельскохозяйственные работы в нерусские деревни.

В татарской прессе устойчиво сохранялось прохладное, но при этом достаточно корректное отношение к австрийским пленным. Их характеризовали терминами «слабые» [14], «гяуры» (неверные), «болтливые» [3], то есть особо отмечались некоторые стороны их бытия, однако без попыток навесить обидные ярлыки. Например, слово «кяфир» (безбожник) не фигурировало в средствах массовой информации.

Другое отношение было к немецким пленным. Оно складывалось из нескольких факторов. Во-первых, часть татарского социума воспринимала немцев как подданных страны, подтолкнувшей Турцию к войне, то есть не как союзников, а как зачинщиков войны. Другая часть относилась к пленным как к союзникам Турции, то есть положительно. Сами немцы также отмечали более теплое отношение со стороны мусульман. Так, например, председатель военно-цензурной комиссии отмечал, что были обнаружены два письма военнообязанных немцев (Мамадышский уезд и Уфимский уезд). Авторы обоих в коротких словах пишут о простоте деревенских татар из тех местностей, где они живут, и прямо заявляют, что татары хорошо относятся к ним, так как сочувствуют германцам, воюющим рука об руку с турками против русских. Таким образом, было бы полезно поселять немцев для дальнейшего жительства в тех местностях, где нет татар [5, л. 21].

Интересно отметить, что татарская пресса после активизации военной цензуры вела себя крайне осторожно. Вопросы, связанные с национальным самоопределением, на страницах татарских газет практически не поднимались. Чиновники Казанского губернского жандармского управления в отчетах на имя губернатора особо отмечали, что в татарских газетах все очень сдержанно. Нет агитации населения ни за войну, ни против неё [6, л. 201].

Впрочем, как отмечали те же цензоры, татарские публицисты в данных условиях стали прибегать к более изощренным приемам подачи информации, по внешнему виду и форме лояльной, но по содержанию – антиправительственной направленности. Например, в ряде статей вместо «наши войска» писали «русские войска» [12, л. 23]; не употреблялись хвалебные эпитеты. Часть публикаций, конечно, была написана в таком стиле, что цензура не допускала их к печати [12, л. 46]. В статьях, посвященных описанию жизни военнопленных, текст был выдержан в нейтральных тонах, не использовались «кричащие» или эмоционально окрашенные эпитеты. В основном сухой и математически выверенный материал давал представление о жизни военнопленных россиян.

Среди либерально настроенных представителей татарской интеллигенции широкое хождение имела идея, что правительство Российской империи пойдет навстречу интересам народов, проливающим кровь за общую родину. Данные настроения базировались на ряде высказываний представителей власти. Примечательна в этом плане статья, опубликованная в газете «Кояш», под названием: «Что нам нужно сделать?» [4]. В ней автор отмечал, что в то время «как другие национальности всячески стараются сделать известными заслуги своих родичей на театре войны, татары совершенно не заботятся об этом...» [11, л. 570].

Но с лета 1915 г. меняется тональность газетных статей, которые становятся более агрессивными по отношению к мероприятиям, проводимым центральной властью, не смотря на все меры, принимаемыми цензурными органами. Одновременно можно отметить появление более теплых ноток в прессе при описании условий проживания пленных подданных стран Тройственного союза.

В первую очередь это касается не содержания, оно осталось практически неизменным, а тональности. Вместо сухого описания сражения – красочное воспевание подвига татарских патриотов

на фронте, которые никак не оцениваются русскими офицерами; вместо бездушной констатации условий жизни военнопленных – нотки сочувствия к единоверцам, попавшим в сложную ситуацию, когда правительство их практически бросило на произвол судьбы; появляются слова поддержки. Весьма часто применялся прием сравнения с условиями жизни военнопленных французов и англичан.

Таким образом, в вопросе восприятия татарами военнопленных четко прослеживается взаимосвязь с восприятием ими самой войны и взаимоотношений с центральными властями. До лета 1915 г. позиция татарских средств массовой информации была выжидательной, умеренной. Характеризуя военнопленных, они избегали применения ярких или негативных образов, заменяя их терминами бытийного свойства, не способных оскорбить, либо которые можно использовать как в создании положительного, так и отрицательного образа. С лета 1915 г. в прессе достаточно часто использовался сюжет, связанный с военнопленными, как маркер неспособности властей проводить обдуманную политику. Военнопленные стран Тройственного союза в Казанской губернии, как правило, характеризовались с положительной стороны.

Литература

1. Алкин С. Стыд и позор // Казанский телеграф. 1915. 29 марта.
2. Исхаки Г. Татарская военная организация во время войны // Wostok – Orient. Варшава, 1932. №1–2 (5–6).
3. Кояш. 1915. 7 января.
4. Кояш. 1915. 18 октября.
5. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф.1154. Оп.1. Д.259.
6. НА РТ. Ф.1 Оп.6. Д.862.
7. НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д. 913.
8. НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д. 917.
9. НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д. 942.
10. НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д. 943.
11. НА РТ. Ф.1 Оп.6. Д.1073.
12. НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.1106.
13. Юлдуз. 1914. 22 августа.
14. Юлдыз. 1914. 27 октября.

УДК 94(47)084

Акопян Виктор Завенович

ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУР В ОРГАНАХ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920–30-е гг.

В статье рассматривается политика центральных и региональных властей в области развития народного образования на родных языках дисперсных этносов Северного Кавказа. По мнению автора, позитивный опыт 1920–30-х годов в известной степени может быть использован на современном этапе.

Ключевые слова: Северный Кавказ, народное образование, дисперсные этносы, национальные меньшинства, национальные секции, национальные школы.

Akopyan Victor Z.

FORMATION AND ACTIVITY OF THE NATIONAL STRUCTURES IN THE ORGANS OF PUBLIC EDUCATION IN THE NORTH CAUCASUS IN 1920-1930s

The article considers the policy of Central and regional authorities in the field of development of public education in the native languages of dispersed ethnic groups of the Northern Caucasus. According to the author, the positive experience of the 1920s-1930s to a certain extent can be used at the present stage positive experience of the 20-ies, in view of the new political model established in the country, can be used on the modern stage.

Keywords: North Caucasus, popular education, dispersed ethnic groups, national minorities, national section, national schools.

Важность рассмотрения деятельности структур Народного комиссариата просвещения РСФСР (Наркомпроса) по делам национальных меньшинств на Северном Кавказе в 1920–30-е годы обусловлена слабой освещенностью этой проблемы в исторической науке (Т. Ю. Красовицкая, С. И. Штамм, Р. Г. Абдулатипов, Л. Ф. Болтенкова, Ю. Ф. Яров, В. З. Акопян). Актуальность темы также связана с современным состоянием межнациональных отношений в Российской Федерации,